

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья посвящена творчеству Н.Г. Чернышевского и его влиянию на таких польских писателей, как Эдвард Желиговский (Антоний Сова), Юзеф Игнацы Крашевский, Станислав Бжозовский, Винценты Косиакевич, Элиза Ожешко, Стефан Жеромский, Мария Конопницка, Адам Гжымала-Седлецкий, Станислав Струмпх-Войткевич и др.

This article concentrates on the work of N.G. Chernyshevsky and the impact he exerted upon such Polish writers as: Edward Zeligowski (Antoni Sowa), Jozef Ignacy Kraszewski, Stanisław Brzozowski, Wincenty Kosiakiewicz, Eliza Orzeszkowa, Stefan Zeromski, Maria Konopnicka, Adam Grzymala-Siedlecki, Stanisław Strumph-Wojtkiewicz and others.

Исследуемая нами тема, насколько можно судить, до настоящего времени является неразработанной, хотя Николай Гаврилович Чернышевский – человек энциклопедических знаний, общественный деятель и преданный друг Польши, личность, оказавшая влияние на несколько поколений поляков, – в полной мере этого заслуживает.

Резонанс творчества автора романа «Что делать?» в польских литературных кругах был значимым, однако в то время в печати это произведение замалчивалось. Известно, что там, где читали Чернышевского благодаря повсеместному знанию русского языка, т. е. в так называемых «заборах» (на части польской территории, аннексированной Россией), запрещались цензурой не только произведения Чернышевского и его фамилия, но и даже употребление слов «нигилизм» и «социализм». Значения этих слов выражались завуалированно, описательно, с помощью эзопова языка. Там же, где таких запретов не было (в «заборах» прусском и австрийском, где русский язык в достаточной степени не был распространен), напечатанные в эмиграции труды Чернышевского или материалы о нем провозились нелегально, в связи с чем они нередко попадали под пристальное внимание местных властей.

Тот факт, что личность Чернышевского, его жизнь и творчество не были чужды польским писателям, подтверждают их высказывания, произведения, воспоминания, переписка и современные исследования. Сам Чернышевский был лично знаком или дружил со многими поляками (назовем Зыгмунда Сераковского, Яна Станевича, Эдварда Желиговского (Антоний Сова), Владимира Спасовича, Юзефата Огрызко).

Одним из первых польских писателей, высказавших свое мнение о Чернышевском, был Юзеф Игнацы Крашевский, который ознакомился с романом Чернышевского «Что делать?», изданным в 1866 г. в Швейцарии. Не чуждо было также Крашевскому нашумевшее в эмиграции сочинение Александра Герцена «Nouvelle phase de littérature russe» (1866), в котором затрагивалась нигилистическая проблематика романов Ивана Тургенева «Отцы и дети» и Николая Чернышевского «Что делать?». Крашевский критически относился к русскому нигилизму, позаимствованному из революционной идеологии бывших тогда в эмиграции публицистов и политиков Михаила Бакунина и Александра Герцена. В то время было распространено мнение, что термин «нигилизм» ввел в употребление в упомянутом произведении Тургенев (1862), его считали также автором этого слова. Теоретиком же нигилизма признавался Чернышевский. Известный романист в «Rachunki z roku 1867» негативно оценил деятельность русских нигилистов, он не признавал пропагандируемую ими идею эмансипации женщин (Kraszewski 1868, 86–87).

¹ Проблемой «Н.Г. Чернышевский в кругу польских писателей», кроме автора настоящей статьи, ни в Польше, ни за рубежом никто не занимался. Собранный оригинальный материал, факты, систематизированные на основе созданной автором концепции, впервые позволили сказать новое слово о Н.Г. Чернышевском в польском восприятии.

Исходя из просьб Крашевского к Агатону Гиллеру о помощи в поиске нигилистической литературы (Giller 1877, 3:21), можно предположить, что у него было намерение написать работу о нигилизме.

В этом письме Гиллер называет брошюры по истории нигилизма, список которых дополнил в одной из своих очередных корреспонденций (Giller 1877, 13.03), где также говорилось о Чернышевском и его романе «Что делать?»: «Первый раз систематически представил его (нигилизм) Чернышевский в известном романе, который получил огромную популярность, придал направление молодой литературе, пробудил молодежь к действиям и подражанию». Польский же писатель, как уже отмечалось, был настроен к нигилизму негативно, что обуславливалось общепринятым отношением к тогдашней царской России, а также тем фактором, что нигилизм не имел какой-либо позитивной программы. Его философия, включавшая в себя материалистические, деструктивные начала, перечеркивала достижения человеческой цивилизации. Крашевский, подобно другим, трактовал русский нигилизм как следствие русского деспотизма (Sokulski 1912, 10). Не будучи достаточно знакомым с ситуацией, в которой оказались нигилисты в России, он надеялся, что нигилизм зажжет там искру революции. «В России, – писал Крашевский в дрезденском „Tydzien...“, – заговор нигилистов не мешает дальнейшему распространению нигилизма в Польше» (Kraszewski 1870, 2:13). Когда же появились скудные сведения о заговоре нигилистов, утверждал: «Однако можно удивляться тайному нигилизму, когда его принципы осуществляются в Польше явно. Как назвать то уничтожение всего у нас, если не гувернаментальным нигилизмом?» (Kraszewski 1870, 5:53). В дальнейшем свое не очень дружелюбное отношение к Чернышевскому и его взглядам он проявил на литературном конгрессе в Вене в 1881 г. В то время довлело на него предложение P. Ratisbon'a, настаивающего на вмешательстве в дело Чернышевского царских властей. Участвовавшие в конгрессе такие польские литераторы, как Мариан Гавалевич, Вацлав Шымановский, Казимеж Залевский, опасаясь запрета возвращения в Варшаву, не голосовали за данное предложение. В напечатанном в это время в «Neue Freie Presse» письме, перепечатанном тотчас же познанскими и французскими журналами, Крашевский высказал собственное отношение к этому вопросу (Kraszewski 1881, 3:224).

Что определило такую критическую позицию Крашевского по отношению к Чернышевскому? Скорее всего, довольно скептическое отношение польского писателя к русской революционной демократии, которое было следствием как непостоянства его идейных взглядов, так и недостаточной осведомленности. Он разделял мнение тех, кто отождествлял революционеров с нигилистами (Zyga, 1965, 62).

Отметим, что образ из среды киевской университетской молодежи, группировавшейся вокруг «батушки» Евлашевского, послужил чешским рецензентам и нашим исследователям основанием для поиска аналогий в произведениях «Szalona» Крашевского, «Отцы и дети» Тургенева, а также «Что делать?» Чернышевского. Тематическую связь произведения Крашевского с названными заметил сразу же после публикации романа «Szalona» рецензент журнала «Slovanski Sbornik» (Zitek 1883, 62). А. Нофер во взглядах учителя Евлашевского, и в особенности в его фурьеризме, усматривала близость с идеологией петрашевцев и Чернышевского (Nofer 1948, 8; Zyga 1980, 90–91).

Оценка Чернышевского и его творчества Станиславом Бжозовским дается в его литературных трудах и корреспонденциях. В своем дневнике он признается, что среди его любимых авторов были, в частности, Виссарион Белинский, Николай Добролюбов, а также Николай Чернышевский (Brzozowski 1913, 62). Интерес к произведениям русских революционных

демократов он сохранял почти до последних лет жизни (Brzozowski 1970, 212–213).

В написанной Бжозовским в 1907 г. и напечатанной уже после его смерти литературно-критической статье о Герцене выражается восхищение русскими мыслителями, в особенности Чернышевским. В ней идет речь о взглядах обоих писателей на сельскую общину, освобождение крестьян. Восхищение личностью вождя русской революционной демократии подкрепляется у Бжозовского знакомством с «превосходными» «Письмами без адреса», которые, очевидно, Чернышевский адресовал в 1862 г. Александру II. Станислав Бжозовский ценил русскую литературу за то, что российские писатели всегда играли большую общественную и воспитательную роль.

Восхищение Чернышевским высказывалось им во многих трудах. В разделе XI «Współczesna powieść polska», посвященном Карлу Ижыковскому, Бжозовский дал высокую оценку его роману «Палуба», определяя это произведение как «явление, имеющее общекультурное, европейское значение» (Brzozowski 1971, 139; Walicki 1977, 333), отмечая при этом реализацию в нем очень ценного метода «критики всяких культурных убеждений». Одновременно он упрекал коллегу в недостаточности «исторической веры» (Brzozowski 1971, 134) и сожалел, что основным источником вдохновения для него был Геббель, а не «великий русский писатель Чернышевский» (Brzozowski 1971, 135).

Влияние Чернышевского убедительно подтверждает и роман самого Бжозовского «Płomienie» (1908), посвященный истории русского революционного движения. В нем прослеживается связь с произведениями русской литературы, в особенности Герцена («Былое и думы») и Чернышевского (Krejci 1934, 275–279; 1972, 481–507; Bieder 1977, 211–222). Сравнивая романы «Что делать?» Чернышевского и «Płomienie» Бжозовского, можно отметить немало сходства. Оба писателя представляют нам тип революционера, осуществляющего намеченные цели, отбрасывающего старые и этические религиозные принципы, понимание истории. Знания, добытые в результате самообразования обоими героями-разрушителями старого мира, посвящаются pro publico bono. Сопоставление таких персонажей из романа Чернышевского, как Рахметов, Лопухов и Кирсанов, с изображенным Бжозовским предводителем «Народной воли» позволяет сделать вывод, что авторы хотели показать нам образы людей бывалых, самостоятельно решающих свою судьбу. Слаженную деятельность членов кооперации в пошивочной мастерской можно сравнить с установкой членов группы «Народная воля» на полное отречение от собственных интересов. Здесь имеет место разделение личных и общественных отношений. Борьба, которую ведут герои обоих произведений, является безнадёжной. Так называемые «новые люди» из романа «Что делать?», как и представители группы «Народная воля», являются одиночками островками в обществе, и поскольку в произведении Чернышевского эта борьба ведется с дворянским и гражданским кодексами, то противником конспиративной организации является вся государственная власть. Следствие этого – разные судьбы героев и неоднозначное отношение к ним писателей. Чернышевский предсказывает героям светлое будущее (сны Веры Павловны), чего, однако, нельзя сказать о романе Бжозовского: смерть его героев настраивает читателя на пессимистический лад, лишает надежды видеть торжество позитивного начала в жизни.

В главе «Myszkín» Бжозовский показывает освобождение Чернышевского. Канёвский (персонаж романа) мечтает, как и другие революционеры, «отбить» Чернышевского у власти. Сталкиваясь с Мышкиным, он помогает тому в его безумной экспедиции в Сибирь. При этом один из революционеров даже выдает себя за ревизора – ход Гоголя в известной всем пьесе.

Бжозовский критически оценивал идею Л.Н. Толстого о непротавлении злу насиліем. Автору романа «Роміеніе» не нравилось разногласіе между идеями, которые исповедовал Толстой, и его богатой земной жизнью.

За роман «Роміеніе» Бжозовский был объявлен чуть ли не преступником, его обвиняли в предательстве народа, в превращении в культ русской литературы, а также культуры и всего русского (Bieder 1977, 219–221). Современный польский исследователь Анджей Менцвель заметил, что он не уверен, «столкнулись бы мы вообще с таким явлением культуры, как Бжозовский», если бы не было «встречи» с русской культурой. Он утверждает: «Русская литература не была для Бжозовского просто словом, но были «страницы, подгоняющие сам ход внутреннего существования»». Поэтому он не просто нашел, а должен был встретить на своем пути Герцена и Белинского, Писарева и Чернышевского, Лаврова и Михайловского, Тургенева и Достоевского, «бедных людей» и «новых людей», «просветителей» и «народников». Потому он сам в каком-то смысле был одновременно «бедным» и «новым» человеком, «просветителем» и «народником» (Mencwel 1978, 209).

Бжозовский, так многим обязанный русской культуре, отдавал себе отчет, когда писал: «Это были настоящие воспитатели своего общества, руководители совести и душ, неутомимые и бесстрашные. (...) Прекрасные произведения и прекрасные люди. Их нельзя было читать равнодушно, надо было любить или ненавидеть, побеждать или идти за ними» (Brzozowski 1904, 218).

Другим учеником Чернышевского был, несомненно, левый критик Бронислав Бялоблочский. В полной мере об этом свидетельствует его публицистика (Jakobiec, 1950:20). В контексте интересующей нас проблематики приведем также характерное замечание, высказанное Александром Брюкнером. В частности, он отметил сходство работ Чернышевского с работами Юлиана Клячки, «напоминающими Чернышевского и Добролюбова, которые также делали из критики публицистику, не преклоняясь в ней перед эстетикой, но признавая ее за моральный смысл, приспособлявая ее к народным потребностям, к осознанию прогресса и добра; не равнялись они Клячке только по стилю» (Bruckner 1924, 195; Sielicki 1971, 70).

Выдающиеся польские позитивисты по причине своих программных воззрений неохотно высказывались на темы, связанные с русской литературой. К польским писателям, которые оставались в сфере влияния русской литературы, причисляется Элиза Ожешко, уроженка Гродненской губернии. Так, критик Мария Жмигродская отметила, что связь произведений Ожешко с работами русских писателей проявляется или в полемике, или сходстве проблематики и типа оценки событий. Для иллюстрации своих тезисов Жмигродская приводит пародийные утопические картины будущего Чернышевского в произведении «Elim Makower» или «Sylwek Cmentarnik», а также создает образы молодых бунтовщиков из *Widma*, которые напоминают нигилистов романа «Отцы и дети» Тургенева (Zmigrodzka 1966, 32).

Из записей «Dzienniki» Стефана Жеромского следует, что он не был, вообще говоря, обожателем Чернышевского, писал неодобрительно о том, что в социалистически настроенных кругах молодежи были организованы вечера в его честь (Zeromski 1956, 19, 519). В этих же дневниках он высказался иронически о своем коллеге из кружка (Леоне Васильковском): «(...) опасаюсь, не плывет ли делегат к социализму. Щедрин, Чернышевский – так его странно восхищают» (...) (Zeromski 1954, 235). Напечатанные после Второй мировой войны «Dzienniki» Жеромского свидетельствуют о том, что влияние русской революционной критики способствовало осознанию им собственных литературных и общественных идеалов (Zeromski 1953, 282, 283, 384). Думается (на это деликатно обратил внимание чешский исследователь Karel Krejci), что появившийся мотив «стеклянных домов» в романе

Жеромского «Uroda życia» говорит о более ранних ассоциациях, чем это можно было заключить из приведенных им польских публикаций. Этот мотив был более выразительно повторен писателем в послевоенном творчестве. С этим символом, как полагает Krejci, Жеромский столкнулся, вероятно, осознавая русское революционное движение более раннего периода. «Стеклянные дома» с алюминиевыми предметами домашнего обихода, как известно, появились уже в утопическом обществе романа Чернышевского «Что делать?» (они присутствуют в четвертом сне Веры Павловны) (Krejci 1934, 239, 380, 382; Grabiec 1925, 93). Отметим, что в произведении Жеромского «Mogila» (1894) один из героев романа Маурыцы Зых в письме другу вспоминает о том, как они в молодости читали «Что делать?». Однако тот факт, что Маурыцы напоминает своему адресату об одеяле, которым некогда накрывался во время знакомства с произведением Чернышевского, можно понять как реминисценцию чтения этого произведения поляком. Следует также заметить, что в произведении Жеромского «Wierna rzeka» цитируется одно из страстных выступлений Александра Герцена в защиту революционной Польши.

По мнению русских исследователей, под влиянием идей Чернышевского находилась также Мария Конопницкая (Skripilew 1979, 8). Фамилию Чернышевского мы встречаем в работах Адама Гжымалы-Седлецкого (Grzymała-Siedlecki 1906, 288). О русском писателе высказывался, хотя и неблагоприятно, даже неприязненно, Станислав Мацкевич (Цат) (Mackiewicz 1957, 98). Добавим, наконец, что Чернышевский «попал» даже в роман Станислава Струмпх-Войткевича о Зыгмунде Сераковском (Strumph-Wojtkiewicz 1978). Писатель сохранил в этом произведении аутентичность «прекрасной личности» Чернышевского (друга главного героя) и других революционных демократов, таких как Белинский, Герцен, Огарев и Потебня. Он опирается в своем романе на собственные исторические источники. Среди найденных им материалов оказался написанный в сибирской ссылке роман Чернышевского «Пролог», в котором в лице поляка Болеслава Соколовского был выведен близкий по взглядам автору Зыгмунд Сераковский (Trochimiak 1980, 4).

Приведенный нами материал доказывает, что Н.Г. Чернышевский и его деятельность на научно-литературном, а также общественно-революционном поприще вызвали разные ассоциации в сознании польских писателей на протяжении многих десятилетий. Чернышевский интересовал польскую интеллигенцию не только как вождь русской революционной демократии, но также и как мастер слова. Отношение к этому преданному другу Польши, как отмечалось, было неоднозначное. Преобладала в нем «идеологическая линия», представленная отдельными польскими писателями. Оценки, данные Чернышевскому, колеблются от позитивных до негативных, что нашло отражение в непосредственных высказываниях польских литераторов, в их творчестве, воспоминаниях, переписке. Н.Г. Чернышевский оказал значительное влияние на формирование и развитие русско-польских литературных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Kraszewski J. I. Z roku 1867. Rachunki przez B. Bolesławitę (J. I. Kraszewskiego). «Rok» trzeci, Poznań, 1868; «Tydzień...», 1870, nr 2; «Tydzień...», 1870, nr 5; «Открытое письмо» Крашевского» от 28.IX.1881 г.; «Gazeta Narodowa», 1881, nr 223; «Czas», 1881, nr 224 (Ostatnie wiadomości).

Giller A. BJ, rkps 6502/IV, list A. Gillera do J. I. Kraszewskiego, k. 500–503 (1877, 21.03); BJ, rkps 6502/IV, t. 42, list A. Gillera do J. I. Kraszewskiego, k. 504 (1877, 13.03).

Sokulski J., Stosunki J. I. Kraszewskiego z Agatonem Gillerem (1876–1887), Lwow, 1912; «Tydzień...», 1870, nr 5.

Żyga A. Kraszewski wobec literatury rosyjskiej, «Slavia Orientalis», 1965; «Szalona» – zamierzony pamflet na nihilistyczną emancypację kobiet, «Rocznik Komisji Historycznoliterackiej» XVII, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980.

- Dr Zitek [в:] *Rozhledy v literaturě* «Slovansky Sbornik», 1883, nr 2.
- Nofer A. *Dworek miał zatrzymać historię*, «Wies», 1948, nr 8/9; Żyga A. «Szalona» – zamierzony pamflet na nihilistyczną emancypację kobiet, «Rocznik Komisji Historycznoliterackiej» XVII, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980.
- Brzozowski S. Pamiętnik, Lwów, 1913; Listy opracował, przedmową, komentarzami i aneksami opatrzył M. Sroka, t I [1900–1908], Kraków, 1970; Kultura i życie. Wstępem poprzedził A. Walicki, Warszawa, 1973; O Stefanie Żeromskim, Warszawa, 1905; Współczesna powieść i krytyka literacka, oprac. J.Z. Jakubowski, Warszawa, 1971; Piłomienie. Lwów, 1908; M.K. Michajłowski, «Głos», 1904, nr 14.
- Krejči K. *Polska literatura ve virech rewoluce*. Praha, 1934; *Wybrane studia slawistyczne. Kultura. Literatura. Folklor. (Stanisław Brzozowski)*, Warszawa, 1972; Bieder H. «Piłomienie» Stanisława Brzozowskiego a literatura rosyjska, «Slavia Orientalis», 1977, nr 2; Krejči K. *Polska literatura ve virech rewoluce*. Praha, 1934; *Wybrane studia slawistyczne. Kultura. Literatura. Folklor. (Stanisław Brzozowski)*, Warszawa, 1972.
- Bieder H. «Piłomienie» Stanisława Brzozowskiego a literatura rosyjska, «Slavia Orientalis», 1977, nr 2; Krejči K. *Polska literatura ve virech rewoluce*. Praha, 1934; *Wybrane studia slawistyczne. Kultura. Literatura. Folklor. (Stanisław Brzozowski)*, Warszawa, 1972.
- Mencwel A. *Brzozowski a kultura rosyjska* [в:] *Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1978.
- Jakóbiec M. *Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu*, Wrocław, 1950.
- Bruckner A. *Dzieje literatury polskiej w zarysie*, Warszawa, 1924, t 2, s. 195. Cp.: Sielicki F.Z. *dziewie rosyjskiej myśli krytycznoliterackiej w Polsce (1918–1939)*, «Acta Universitatis Wratislaviensis» nr 129 Slavica, 1971.
- Żmigrodzka M. *Eliza Orzeszkowa (1841–1910)* [в:] *Obraz literatury polskiej, Literatura polska w okresie realizmu i naturalizmu*, Warszawa, 1966.
- Żeromski S. *Dzienniki do druku przygotował i przypisami opatrzył J. Kądzioła*, Warszawa, 1953; *Dzienniki*, Warszawa, 1954; *Dzienniki*, Warszawa, 1956.
- Skipilew J. A. *Czernyszewskij*, Moskwa, 1979.
- Grzymała-Siedlecki A. *Rozwój teorii rewolucyjnych w Rosji w XIX wieku*, «Świat Słowiński», 1906.
- Mackiewicz S. *Dostojewski*, Warszawa, 1957.
- Strumph-Wojtkiewicz S. *Sierakowski. Powieść z lat (1848–1863)*. Przedmowa autora, Warszawa, 1978.
- Trochimiak J. *Mikołaj Czernyszewski i Zygmunt Sierakowski, «Przegląd Rusycystyczny»*, 1980, nr 4; *Tworczosc Iwana Turgieniewa w Polsce lat 1884–1914*, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», sectio F, vol. XXXV/XXXVI, 11, 1980/1981.

Поступила в редакцию 01.10.2002.

Ян Трохимяк – доктор филологических наук, директор Института русистики высшей школы в Седльце (Польша).